

Амбиции Грузии по вступлению в НАТО 10 лет после войны с Россией

Пол Хансбери

В десятую годовщину войны с Россией Грузия провела [военные учения](#), в которых, помимо других государств, приняли участие 9 государств-членов НАТО и Украина. Амбиции Грузии и Украины по вступлению в НАТО стали главным фактором трений между ними и Россией, а также противоречий между Россией и НАТО. И хотя первопричины конфликта в Украине не так явно связаны с НАТО, возникновение конфликта тем не менее продемонстрировало, как мало общего после короткой войны 2008 года между членами НАТО и Россией по вопросу европейской безопасности. Дипломатическая «перезагрузка», к которой стремился бывший американский президент Барак Обама, сегодня едва ли упоминается в дискуссиях об отношениях с Россией. В то же время, несмотря на собственные амбиции, Грузия до сих пор выглядит маловероятным кандидатом на скорое вступление в Североатлантический альянс.

НАТО продолжит расширяться...

НАТО стремилась самоопределиться в эру после Холодной войны. Убежденность ее членов в том, что организация стала инструментом либерального миропорядка, развивалась параллельно с верой в то, что альянс больше не будет направлен против России и что разделение Европы на восточную и западную ушло в историю. [Лондонская декларация](#) 1990 года объявила альянс «фактором перемен» на континенте. Этому сопутствовало понимание, что основой провозглашенного либерального порядка является право государств на свободный выбор альянсов. Смещение приоритетов в деятельности НАТО на операции за пределами евро-атлантического пространства способствовало формулированию ее новой роли. А политика «открытых дверей» стала сутью декларированного либерализма.

Политика «открытых дверей» укоренилась в умах современного поколения государственных деятелей после того, как администрация Билла Клинтона поддержала расширение альянса. Воссоединение Германии в составе НАТО можно было бы

рассматривать как прецедент расширения организации в Восточной Европе. Однако противоречивые [интерпретации](#) дискуссий о НАТО в ходе переговоров об объединении Германии, а также продолжавшееся до середины 1991 года существование Организации Варшавского договора указывают на то, что этот кейс следует рассматривать отдельно.

Первый визит Клинтона в Европу в январе 1994 года стал судьбоносным. До этого, по свидетельствам [Рональда Асмуса](#), американский президент придерживался линии по поддержке реформ в России и не имел четкой позиции по будущему НАТО. Выступая в Праге, Клинтон [пообещал](#), что «вопрос больше не в том, будет ли НАТО принимать новых членов, а в том, когда и как это будет происходить». К концу его президентского срока саммиты НАТО в Мадриде и Вашингтоне – на которых в альянс были приняты Чехия, Венгрия и Польша – документально зафиксировали курс организации. Для НАТО отказ от политики «открытых дверей» был бы равнозначен признанию того, что со времен Холодной войны ничего не изменилось, а также принятию непопулярной *realpolitik*.

... но расширение не распространяется на Грузию и Украину

Российские же политики, чье мышление в меньшей степени определяется идеологией, сделали противоположные выводы из расширения НАТО после окончания Холодной войны. В их глазах это «агрессивная экспансия». Поэтому они считают, что альянс не изменился после Холодной войны, что, по их убеждению, оправдывает реализм в политике России. В преддверии войны 2008 года Россия многократно предупреждала НАТО, что не потерпит расширения на территории, которые считает своей сферой влияния. На полях саммита НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года Владимир Путин, судя по свидетельствам, [намекал](#), что Россия была готова признать независимость Абхазии и Южной Осетии, а также аннексировать Крым и Донбасс, если НАТО предоставит Грузии и Украине планы действия по членству (ПДЧ). Последующие действия России в Грузии показали, что она была готова применять силу, чтобы сохранить свое региональное превосходство. Также те события показали, что страны-члены НАТО не считали себя обязанными по-настоящему противостоять претензиям России на [зону влияния](#).

Более поздние аргументы, к которым прибегают политики из стран-членов НАТО, только подтверждают это. Во-первых, дипломаты постоянно указывают на территориальные конфликты в Грузии, а теперь и Украине, как препятствие для членства в альянсе. При этом важно подчеркнуть, что для НАТО исключение возможности членства на основании территориальных споров – это политическое решение, а не положение договора. То есть это вопрос интерпретаций. Во-вторых, дипломаты из стран НАТО периодически говорят и о том, что альянс не смог бы защитить Грузию в войне с Россией. Можно ожидать, что значение этого аргумента будет расти, если будут продолжаться трения с Турцией внутри НАТО, так как в случае войны в Грузии возможности военной помощи будут сильно завязаны на логистической инфраструктуре на турецкой территории. А сценарий выхода Турции из альянса уже не кажется фантастическим в сегодняшних условиях.

В любом случае это несколько странные аргументы, если исходить из того, что политика «открытых дверей» распространяется на все европейские государства. Грузия может,

безусловно, понести огромные потери в случае еще одной войны с Россией. Но это произошло бы вне зависимости от членства в НАТО (то же самое можно сказать и в отношении Балтийских стран). В конечном итоге Грузия сама должна определиться с тем, насколько опасной она воспринимает Россию и как наилучшим образом защищать свою территорию и интересы. Если бы Грузия вступила в альянс, предоставленная через статью 5 защита могла бы рассматриваться как гарантия сдерживания, а не коллективной защиты.

Партнерство

НАТО [основывает](#) свою политику «открытых дверей» на статье 10 Североатлантического договора. Однако это, кажется, создает заблуждение. Статья 10 не говорит желающим странам, что перед ними открыта дверь. Наоборот, она подчеркивает, что страны-члены могут пригласить новые государства присоединиться к альянсу и что это, как и все решения в НАТО, требует единогласного одобрения.

Присоединение Черногории в прошлом году и ожидаемое присоединение Македонии говорят о том, что НАТО может достигать единогласия и продолжит медленное расширение вне зависимости от протестов со стороны России. В то же время ни Грузия, ни Украина не имеют шансов стать членами в обозримом будущем. Вместо этого они будут получать поддержку через механизмы «партнерства». Для некоторых стран в прошлом «партнерство» вполне могло означать движение к будущему членству в альянсе. Но чтобы этот алгоритм стал фиксированным правилом, из-за географического охвата «Партнерства ради мира» должен быть переписан Североатлантический договор. Его действие должно распространяться на всю Евразию.

Таким образом, постоянно продвигая аргументы в пользу вступления в НАТО, Грузия не получает однозначной поддержки внутри альянса. НАТО часто подчеркивает свою риторическую поддержку, как это было и на недавнем [саммите](#) в Брюсселе. Однако, как десять лет назад показала российско-грузинская война, альянс не желает предпринимать конкретные действия или давать четкие обещания, которые бы сделали перспективу членства Грузии реальной.

Пол Хансбери

Ассоциированный сотрудник экспертной инициативы «Минский диалог»